

В истории науки есть страницы, которые не так часто открываются читателю: это профессиональная переписка, в рамках которой развивается научный диалог и формируется научное знание. Предлагаемые в публикации письма по-своему уникальны. Автор писем – ученый с мировым именем, филолог-славист Александр Васильевич Исаченко. Адресат – аспирантка Харьковского государственного университета, впоследствии профессор кафедры русского языка Лилия Алексеевна Быкова. Знаменателен сам по себе факт – профессор из Чехословакии, приехавший на конгресс славистов в Москву и прочитавший в Ученых записках Харьковского университета статью по семантике несоотносительных видовых глаголов, вступает в научный диалог с автором, еще не имеющим научного имени. Для достаточно авторитарных отношений в науке того времени – это, несомненно, исключительное событие и пример безусловности контекста, в котором только и формируется подлинно научное знание. Уникально содержание этих писем, в котором А.В. Исаченко излагает новую теорию вида, составившую значительную часть содержания его собственной книги «Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким» (1960 г.). Будучи документом своего времени, письма интересны во всех отношениях, включая особенности стиля самого автора, его научный темперамент, характер отношения к предмету обсуждения, степень уважения к собеседнику и формы его выражения, собственные самооценки, предопределяющие своеобразие научного и речевого этикета. Обращает на себя внимание, что письма А. И. Исаченко выявляют во всей рельефности не только образ автора, но и образ адресата. Несомненны научные последствия этой переписки: значительная часть научного диалога включена автором во второй том «Русской грамматики ...», сама же работа Л.А. Быковой вошла в историографию русского вида, – она представлена в узком библиографическом списке академической Русской грамматики 1980 г., ссылки на нее есть во многих значимых работах по русской аспектологии.

Выражаем особую признательность Лилии Алексеевне Быковой, любезно предоставившей редакции материалы переписки.

Глубокоуважаемая товарищ Быкова!

Ваше письмо я получил и очень Вам благодарен за доверие. Я очень сожалею о том, что во время Московского съезда мне так и не удалось с Вами встретиться, хотя на Вашу статью в Трудах ХДУ я обратил внимание еще там. Но серьезно «проштудировать» ее я смог только по возвращении в Оломоуц. Без всяких комплиментов должен сказать, что Ваша работа мне очень понравилась и что в своей новой книге, кот^орую я только что сдал в набор (Грамматический строй русск^ого яз^ыка) в сопоставлении с словацким П³ я постоянно на нее ссылаюсь. Ко многим вопросам Вы подходите вплотную, великолепно знаете материал (и не довольствуетесь всякого рода «импрессионизмом», как это, к сожалению, часто бывает), блестяще проводите семантический анализ сложнейших типов. Но Вы сами пишете, что вопрос о виде и его сущности Вам «не представляется до конца ясным». Это отчасти сказалось на Вашей работе. Но Вы в этом отношении не одни: пора, наконец, оставить чересчур традиционные позиции и перейти к новому этапу аспектологии. Несомненно, проф. Ю.С. Маслов сделал многое, чтобы выяснить целый ряд самых существенных вопросов *исторической аспектологии*. Но раз Вы меня просите познакомить Вас с моей точкой зрения по данному вопросу, то уж не посетуйте, если мое послание окажется несколько растянутым.

К традиционному наследию относится убеждение, будто все (или почти все) славянские глаголы представлены в видовых парах. Исключения из этого «незыблемого правила» считаются, в общем, «досадными» отступлениями от нормы, «нарушающими общую картину». Вы сами очень убедительно показали, что одновидовость (предпочитаю этот термин несколько громоздкому и мало прозрачному термину «несоотносительность») – явление вполне закономерное и широко распространенное. Одновидовых глаголов СВ, пожалуй, ещё боль-

ше, чем одновидовых НСВ. Вот, на мой взгляд, и выходит, что нельзя изучать одно-видовые глаголы НСВ в отрыве от одно-видовых глаголов СВ: вместе они составляют стройную систему, о которой и будет речь.

Стержнем современного толкования видовой корреляции является адекватный анализ грамматико-семантического соотношения между СВ и НСВ. Ещё Эмиль Черный, чешский классический филолог, работавший в России в 70-х годах, прекрасно показал, что СВ представляет действие «суммарно, в сжатом виде, собирательно». Де Соссюр и позже Достал развили эту мысль (не ссылаясь, однако, на Черного). Что же следует понимать под этим «сжатым видом», под «целостным, неделимым процессом» (Маслов)? Возьмем пример: Вы идёте в рядах демонстрантов, движетесь вместе с потоком людей. Вы стоите как бы посреди разворачивающихся событий. Вот такая точка зрения может быть сравниваема с имперфективным пониманием действия (НСВ). Но ту же (первомайскую) демонстрацию можно видеть и с трибуны. Лица, стоящие на трибуне, видят все фазисы этого шествия, его начало, его конец, вынося о нём целостное впечатление. Эту точку зрения можно сравнить с точкой зрения при грамматическом понимании СВ. (Конечно, именно только «сравнить»!) Добавлю, что я лично понимаю семантику СВ как выражающую «событие». Пражская школа уже давно признает, что СВ является сильным (маркированным) членом видовой оппозиции. Значит, только СВ имеет свою, положительную семантику: он выражает действие как целостное, сомкнутое событие. НСВ не имеет такого значения. Этим и исчерпывается его общая семантика. НСВ сам по себе ничего не обозначает. Только на фоне СВ в нем отмечается отсутствие семантики этого последнего. Вот почему, по моему убеждению, приёмы всякого рода имперфективации формально выражают «снятие» значения СВ. Если вообще можно говорить о «слабых местах» Вашей работы – не сердитесь, что я чисто условно применяю этот термин! – то разве только в том смысле, что Вы НСВ приписываете самостоятельное значение «длительности». Этой «длительности» Вы противопоставляете «законченность». Позвольте же мне Вам возразить.

При структурном анализе русской видовой оппозиции (а никакого другого анализа в наши дни быть не может) необходимо

считаться с основными аксиомами учения о противопоставлениях. Сильный, маркированный член (СВ) имеет свое собственное грамматическое значение, слабый, немаркированный член (НСВ) – выражает только отсутствие значения СВ. Если положительным значением СВ вида является **«целостность, сомкнутость, событийность»** действия, то НСВ просто ничего не говорит ни о целостности, ни о сомкнутости, ни о **«событийности»**. Вы видите: для меня значение СВ не сводится к «завершенности» или «результативности». Это нечто совершенно иное. Если в глаголе *сварить* можно, по отношению к глаголу *варить*, уловить значение «результативности» или «завершенности», то глагол СВ *бросить* не имеет (по отношению к глаголу *бросать*) такого значения. Нетрудно показать это хотя бы на основании «пробы», которую предлагает Теленкова. Если в первом случае (1) логически чередование глаголов НСВ и СВ вполне естественно, то во втором случае (2) – оно бессмысленно:

(1) Писал, писал и – написал.

Варил, варил и – сварил и т.п.

(2) Бросал, бросал – и бросил (?)

Отдавал, отдавал – и отдал (?)

Что из этого следует?

«Чисто» видовое значение (без примеси посторонних значений) имеется только а) у первичных перфективных глаголов бесприставочных в сопоставлении с однокоренными бесприставочными же глаголами НСВ (тип *бросить* // *бросать*) и б) у приставочных глаголов СВ в сопоставлении с вторичными приставочными глаголами НСВ (тип *отдать* // *отдавать*).

А бесприставочные глаголы НСВ (тип *варить* или *резать*) являются **одновидовыми** глаголами НСВ! Вспомните хотя бы то, что авторы разных пособий и учебников не сходятся в оценке «соотносительных» глаголов. Прочтите критику на учебник Совр. русский язык (1957) в ВЯ. Но разве мыслимо, чтобы русские, к тому же русские лингвисты, «по-разному» воспринимали видовое значение глаголов своего родного языка? Конечно, немыслимо. Разнобой объясняется не более или менее «тонким» языковым чутьем, а – несостоятельностью самой теории. «Соотносительные пары» отыскиваются во что бы то стало (в грамматиках, в словарях), потому что этого, якобы, требует «система». Но никакой такой неупросимой системы в славянских языках нет. Бывают глаголы парные, а бывают (и

очень часто) – непарные. К этим последним относятся все бесприставочные глаголы НСВ. Почему, собственно, надо считать, что к глаголу *учить* видовой парой будет обязательно *выучить*, а не, например, *изучить*, *научить*, в разных контекстах? Ведь «проверка» типа *изучать*, *выучивать* ровно ничего не дает. Не может быть, чтобы две разных **формы** (напр., *мыть* и *умывать*) передавали одно и то же содержание. Глагол *мыть* – одновидовой, а *умывать* – парный к *умывать* (т.е. абсолютно синонимичный с ним).

Столь же традиционным и необоснованным является учение о «пустых» (граммат.) приставках. Приводимые во всех пособиях глаголы *написать*, *сварить*, *сделать*, *построить* выражают, кроме СВ, еще нечто, а именно – результативность. Такие значения я отношу к категории «совершенности глагольного действия» (actio verbi, нем. Aktionsart).

«Совершенности» обозначают модификацию основного глагольного значения, касающуюся, так сказать, внутреннего протекания процесса (его начала, конца, ограниченности, однократности, вообще кратности, прерывистости, смягчительности и т. п.). Глаголы, обозначающие «совершенности», охарактеризованы разными префиксами или суффиксами (*заговорить*, *проговорить* (всю ночь), *наговориться*, *наговорить* кому-л. неприятностей, *говаривать*, *поговаривать*, *переговорить* и т. п.). В грамматическом отношении они отличаются тем, что не имеют соотносительных видовой пар: *покричать* и *покрикивать*, конечно, не являются видовой парой.

Приставки, модифицирующие исходный глагол в отношении внутреннего протекания действия (часто говорят: мера действия, время и т. п., фазисы действия) являются приставками-модификаторами. Ср. *закричать* (начинательная совершенность), *покричать* (огранич.), *крикнуть* (однократн.), *покрикивать* (смягчительно-прерывистая совершенность) и т. п. Все они – одновидовые.

Приставки, квалифицирующие действие извне, т.е. привносящие какой-то лексический элемент, могут быть рассмотрены как приставки-квалификаторы: *уговорить* // *уговаривать*. Они имеют соответствующие видовые члены.

Лексическое значение глагола, снабженного совершенным показателем, не меняется: *похаживать*, *походить* (по комнате), *заходить* (он встал и заходил),

находиться (за день), *находить* (столько-то км.), *отходить* (свое, положенное), *ходить* (все знакомые места), *расхаживать* и т. п. обозначают, в сущности, то же, что и глагол *ходить*, лишь модифицируя это основное значение. Такие глаголы, заметьте, почти не имеют полисемии.

Приставки-квалификаторы создают новое лексическое значение: *переходить* // *перейти*, *проходить* // *пройти*, *сходить* // *сойти*. Они выражают «пространственные» отношения, но в этом суть дела. Они, прежде всего, являются самостоятельными глаголами-лексемами, между тем как совершенные образования так или иначе соотношены с исходным глаголом (семантически). Конечно, совершенности не являются «формами» исходного глагола; но всё же они связаны с исходным глаголом не только этимологически, а системно.

Одной из совершенностей является, несомненно, и «результативное» значение. Если это признать, то не надо будет «кривить душой» в поисках «чистовидовых» соответствий таких глаголов, как *рвать* или *мазать*, или *резать*. А ведь частенько приходится «успокаивать лингвистическую совесть» и «пренебрегать» очевидными семантическими оттенками (ср. *кричать* – *закричать* или *кричать* – *крикнуть*).

Все случаи дистрибутивных глаголов, которые Вы мастерски проанализировали, являются, таким образом, совершенностями исходных глаголов (ср. *Все матросы попрыгали в воду*; *Все повскакали*; *Всех перерезали* и т. п.). Стоит только отказаться от (признайтесь!) довольно расплывчатого понятия «внутреннего предела», по существу скорее затушевывающего суть дела, и все может стать на место. Глаголы типа *сварить* окажутся «результативной» совершенностью к *варить*; оба глагола (*сварить* и *варить*) будут одновидовыми. Этим можно будет и объяснить отсутствие глагола типа «*сваривать*» (суп, кашу).

Мне, разумеется, очень трудно, представить в максимально сжатом виде свою концепцию. В ближайшее время появится моя статья на чешском языке, касающаяся вопросов вида, совершенности и «характера глагольного действия». Если Вы по-чешски читаете, напишите мне, и я Вам с удовольствием пришлю отклик. А на русском языке все будет изложено в упомянутой книге, которую я Вам, с Вашего разрешения, пришлю.

Вот видите, что Вы спровоцировали (это тоже, между прочим, результат совер-

шаемость!). Мне будет очень ценно узнать Ваше мнение, хотя я чувствую, что в таком крайне сжатом виде мне не удалось привести все свои аргументы и придать им необходимую стройность.

Еще раз позвольте Вас поблагодарить за удовольствие и пользу, которую я извлек из работы над Вашей прекрасной статьей.

С совершенным почтением

подпись

Оломоуц, 1 декабря 1959

Очень прошу Вас при случае сообщить мне свое имя и отчество.

Глубокоуважаемая Лилия Алексеевна!

Ваше письмо получил и прочел его с большой для себя пользой. Нельзя было, конечно, ожидать, что в сравнительно коротком письме мне удастся хоть сколько-нибудь убедительно изложить свою точку зрения, но Ваши замечания и вопросы показывают, что придется еще очень много поработать, чтобы довести до читателя концепцию, которая сама еще нуждается в серьезной доработке. Разрешите перейти к Вашим вопросам по порядку.

1. Прежде всего я должен Вас попросить хоть на минуту отказаться от традиционного взгляда, будто глаголы *писать* – *написать*, *кричать* – *крикнуть* являются парами. По моему убеждению все бесприставочные глаголы *НСВ* являются «одновидовыми» (или «несоотносительными», что одно и то же). Категорию глагольной совершаемости (совершаемости глагольного действия) я признаю за глаголами: а) формально маркированными суффиксом или префиксом по сравнению с исходным глаголом; б) обозначающими **то же** действие (тот же процесс), что и соответствующие немаркированные глаголы; в) встречающиеся только в одном видовом значении. Мне кажется, что в моем понимании совершаемость только модифицирует значение основного глагола: *заходить* (начать ходить) это именно начать *ходить*; *покашливать* — это именно время от времени (слабо) *кашлять*; *запеть* — это именно начать *петь*. Глаголы *НСВ* не имеют никакой положительной совершаемости. Точно также существительные типа *книга* не имеют никакого добавочного оценочного значения по сравнению со словами *книжка*, *книжечка*, *книжонка*. Вы совершенно правы: в **любом** (приставочном) глаголе *СВ* типа *попеть*, *проболтать*, *написать* имеется свое специфическое совершаемое значение.

Приставочные глаголы *СВ* отличаются от бесприставочных во всех случаях именно только своим, совершаемым значением (мы условились не считать глаголы типа *писать* – *написать* «парами!»). Только глаголы вторично *НСВ* от приставочных глаголов *СВ* (*переписывать*) не имеют совершаемого значения. Совершаемое значение исчезает в видовых парах. Вот почему *запеть 1* является совершаемостью (начинательной) к *петь*, ср. *Он запел от радости* (Ушаков: несов. нет), а *запеть 2* // *запевать* такого значения больше не имеет. Тут нельзя поддаваться оптическому обману: глагол *затопить* на основании логического анализа значения может быть истолкован в смысле «начать топить» (*В нашем доме затопили только в октябре*). Глагол *затопить* // *затапливать* не имеет начинательного значения. Переходы здесь очень тонкие и постоянные. Стоит приставочному гл. *СВ* образовать вторичным образованием *НСВ*, как он утрачивает свое совершаемое значение. В этом нет ничего удивительного: такова диалектика языка (переход из лексических пластов в грамматические).

2) Должен с Вами полностью согласиться, что соотношения типа *бросать* // *бросить* и *писать* – *написать* очень «близки», но не одинаковы (как Вы сами признаете!). Часто указывают на то, что члены «видовой пары» чередуются, например, в утверждении и отрицании. На вопрос «*Можно написать?*» ответ может быть «*Напиши*» и «*Не пиши*». (Пример заимствован у покойного Гвоздева). Хорошо. Но ответ может звучать и «*Пиши*». (Ср. *ты сказал?* – *Говорил. Ты прочел?* – *Да, читал.* и т.п.). Но заметьте: на вопрос «*Можно почитать?*» ответ будет (в отрицательной форме) «*Нет, сейчас не читай!*» Но ведь мы с Вами не станем считать *почитать* и *читать* «видовыми парами». Еще: *Можно прилечь?* – *Нет, сейчас не ложись!* Вы видите: в отрицании может быть (а иногда и должно быть) утрачено всякое совершаемое значение, в том числе и результативное (*написать*). Попробуйте «перевести» из плана узуального прошлого в актуальный презенс следующую фразу: *После работы приду домой, пообмоюсь, приоденусь, намою воды, почитаю газету и прикорну* (простите набор слов). Попробуйте: *Вот я прихожу домой...* Не получается.

3) Вопрос терминологии мне кажется маловажным. За границей¹ слово «несоот-

носительный» как-то слабо воспринимается, а мне ведь приходится писать, в первую очередь, для своих питомцев.

4) Модификаторы / квалификаторы. Переходы здесь есть (см. выше). *Зацвести* // *зацветать* уже не совершаемость (хотя форма «зацветает» мне кажется малоупотребительной). Взаимоотношения между двумя типами приставок не так сложны: модификаторы могут, при благоприятных условиях (Вы приводите целый ряд таких) перейти в квалификаторы, но не наоборот. Проверка всегда объективна: присутствие или отсутствие видовой пары. В случае потенциальных видовых пар (Вы их приводите) – решает контекст.

5) Формы типа *прочитать* // *прочитывать* и *прочитывать* / *читать* необходимо сравнивать. Результат: читать не содержит того модификатора, кот«орый» имеется в *прочитывать*, т.е. является другим глаголом. Я просто не понимаю, как авторы Акад«емической» грамм«атики»² могли приводить до трёх «соотносительных» глаголов: *дергать* – *задергать*, *подергать* и *дернуть* (I, 431). Ведь надо быть лингвистическим дальтоником, чтобы не заметить, что глаголы с *за-*, *по-* и *-нуть* имеют каждый свое совершенно определенное значение, абсолютно отсутствующее у *дергать*.

6) Вы задаете каверзный вопрос: являются ли глаголы *заиграть*, *простоять* «самостоятельными» «новыми» словами? И да, и нет. Это, разумеется, словарные единицы, их надо приводить в словарях. Но они только модифицируют значение глаголы *играть*, *стоять*. Не считаете ли Вы возможным приводить в словарях под заглавным словом (глагол НСВ) все возможные совершаемости, напр.:

ГОВОРИТЬ -ю -ит НСВ. начинат«ельная» **заговорить**, ограничит«ельная» **поговорить**, эволютивная» **разговориться**, финит«ивная» **договориться** (до хрипоты), кумулятивная» **наговорить** (всяких гадостей), сатуративная» **наговориться** (вдоволь), пердуративная» **проговорить** (весь вечер), смягчительно-фреквентативная» **поговаривать**, многократная» **говаривать** и т.п. Если бы я стал писать еще один словарь (сохрани Господи!), то я бы поступил именно так.

7) Глаголы типа *знать*, *уметь*, *чувствовать*, *видеть* – по моему мнению – не выражают целостного, сомкнутого «события» (именно не события!). Они имеют определенный «характер действия» – обозначая

«некурсивные», «непротекающие» процессы. Вообще их отнесенность к глаголам – условная, также как отнесенность к глаголам таких лат. слов как *calere* «быть теплым».

8) Если считать, что семантика НСВ является величиной чисто негативной, т.е. что НСВ не сигнализирует, что процесс представляется как целостное событие, то «длительность» является только одной из имплицитных возможностей конкретного проявления этой отрицательной семантики, а не положительным признаком СВ. Вообще мне кажется, что виды в своей семантике не содержат никаких указаний на длительность; поэтому нет и никаких мгновенных, ультрамгновенных и гипермгновенных «видов». И «событие» (представляемое в СВ) может иметь очень продолжительную длительность: *Он прожил всю жизнь в деревне*.

9) Глаголы на *-нуть* являются одной из форм однократной совершаемости. В семантике глаголов НСВ, от которых образованы глаголы на *-нуть*, нет указаний на «кратность». Глагол *колоть* обозначает «наносить уколы» только в определенных условиях (*Сосед колот меня на каждом уроке*). В актуальном презенсе этого значения «кратности» (многофазисности) нет: *Смотри, врач его как раз колет* (т.е. «наносит ему один укол»). Следовательно, семейфактивные глаголы на *-нуть* приносят в общую семантику глагола нечто, чего нет у глаголов НСВ. Совершаемость касается, между прочим, и «кратности»: к глаголу *колоть* – *калывать* (редко), *покалывать*, *кольнуть*. Другим способом образования семейфактивных является префикс *с-* / *со-*: *ходить* – *сходить* (на почту), *малодушничать* – *смалодушничать* (один раз проявить малодушие), *острить* – *сострить*, *воровать* (быть вором) – *своровать*. А не являются ли и глаголы *смастерить* и даже *сделать* (игрушку), по правде говоря, именно скрытыми семейфактивами?

Уверен, что Вы с очень многим не сможете согласиться. Но это ничего. Вашу работу я ценю именно потому, что Вы, как никто другой (в СССР или за рубежом) подошли к вопросу о русском виде на основании весьма ценных наблюдений, постарались решить или, по крайней мере, затронуть ряд вопросов, которые обычно просто обходятся. Я совершенно убежден, что наши точки зрения могли бы значительно приблизиться друг к другу, если бы мы с Вами занялись делом вплотную. Здесь еще столько недорешенного, неясного, кос-

ного. Главным препятствием к более адекватному пониманию мне представляется все же несчастный термин «внутреннего предела». «Внутри» чего лежит этот «предел»? И о каком «пределе» идет вообще речь? Нельзя, мне кажется, основывать лингвистическую теорию на **образах**. К сожалению – многие лингвисты страдают именно такой склонностью.

Вашей сотруднице я выслал экземпляр своей книги – последний, имевшийся на складе.

Не ругайте меня за «дерзновения» – я просто хочу освободиться от предрассудков и – знаю – в своей полемике иногда захожу слишком далеко. Но в этом есть и преимущества: мои ошибки помогут другим преодолеть общую косность «видоложества».

С глубоким и искренним уважением
Александр Васильевич Исаченко.

P.S. Пишите!

26.01.1960

Примечания

1. При подготовке текста к публикации учитывались некоторые особенности авторской орфографии. Были восстановлены отдельные сокращения, которые маркируются в тексте знаком < >.
2. Речь идет о: «Грамматика русского языка» (под ред. В. В. Виноградова, Е. С. Истриной, С. Г. Бархударова) в 3-х тт. Изд. АН ССР: М, – 1952г.
3. Имеется в виду 2-й том упомянутой книги